

2017

Её литературное творчество в конце XIX – начала XX века неизменно находило отклик в сердцах сотен и сотен тысяч россиян и зарубежных ценителей сатиры и юмора, толерантно преодолевая интеллектуальные планки эстетических и сословных границ... Надежду Лохвицкую ждали с её очередным искрометным фельетоном или шутивным рассказом буквально все от кучера до академика. Всё, что выходило из-под её пера, было доступным, актуально узнаваемым, по-народному ядрёным и украшенным блёстками исторических ассоциаций и реминисценций...

А так ведь хотелось «сохранить жизнь».....

Неподражаемая и без каких-либо натяжек поистине королева российского юмора Надежда Александровна Лохвицкая (её псевдоним – Тэффи) такими словами некогда охарактеризовала свою жизнь: «Я родилась в Петербурге, наша весна весьма переменчива: то сияет солнце, то льёт дождь. Поэтому у меня, как на фронто-не древнего греческого театра, два лица: смеющееся и плачущее». И ещё одно её откровение: «Анекдоты смешны, когда их рассказывают. А когда переживают – это трагедия. И моя жизнь – это сплошной анекдот, т.е. трагедия...»

...В тот вечер, 17 октября 1888 года, так уж срослось, что два сильнейших потрясения для хрупкой девичьей души оказались непозволительно рядом: крушение императорского поезда под Борками и гибель Анны Карениной на станции Бологое (даже станции начинались на две одинаковые буквы!). Она в течение часа сидела над только что дочитанным шедевром Льва Толстого, глухо рыдая в подушку. А вечером вернулся со службы отец и сообщил потрясшую всю Россию весть: «Наш император и вся его семья чуть не почили в бозе. Но Господь Бог отвёл беду...»

Тогда-то Надежда и удивила своего родителя, который неделю назад настоятельно порекомендовал дочери прочесть эту книгу Льва Николаевича: «Папа, а зачем он это сделал? Разве Анна заслужила такое жуткое отмщение за любовь?»

– Кто это «он»?

– Лев Толстой. Каренина не должна была так умереть...

Отец лаконично ответил: «Человек – хозяин своей судьбы...».

Но этот афоризм её не разубедил. Девушка со свойственной ей решимостью нашла возможность встретиться в Хамовниках со знаменитым писателем, намереваясь слёзно упросить его... изменить концовку романа и сохранить жизнь Анне Карениной. Однако в последний момент Надюша ступевалась и лишь молча протянула великому старцу ещё пахнувший типографской краской фолиант для... автографа...

С лёгкой руки сестры

Всей своей жизнью эта утончённо красивая, живая, как ртуть, целеустремлённая, удивительно разносторонне талантливая женщина, наделённая замечательным чувством разящего юмора и зорким третьим глазом – тоннелем мудрости, всегда, до самого порога своего 80-летия, утверждала, что да, действительно, настоящий человек – это всегда хозяин, создатель своей судьбы...

Сегодня мы отмечаем две её знаменательные, «не угловатые» даты: 145 лет со дня рождения и 65 лет со дня её ухода в мир иной. Надежда Лохвицкая по отцу, модному адвокату, известному питерскому профессору криминалистики, была русской, а по материнской линии – француженкой. Она и обе её сёстры, Мирра и Елена, с детства были «обручены» с поэтической лирой. Мирра стала очень популярной поэтессой на рубеже веков, и именно она ввела младшую сестру в литературный мир, сведя

накоротке со многими известными писателями, уже тогда слышными звёздами Серебряного века.

Первое стихотворение Наденьки было издано на рубеже её 30-летия под настоящей фамилией. А когда, как из волшебного рога, посыпались на страницы солидных газет и журналов её рассказы и фельетоны, полные потрясного юмора и нелепых, смешных и в то же время с налётом грусти эпизодов, благодаря чему писательница буквально накрывала хохотом самую разношерстную аудиторию, вот тогда-то и пришла пора, наконец, выбрать себе какой-нибудь стреляющий, загадочный и короткий псевдоним. Прятаться за одинокую, как сапог на обочине дороги, букву с точкой не хотелось, а брать мужскую фамилию – трусливо и малодушно. А если что-нибудь эдакое – дурацкое?

«И вспомнился мне, – пишет она в своих воспоминаниях, – один такой дурак. Звали его Степаном, а домашние нашего кучера величали его Стеффи. Отбросив из деликатности первую букву (чтобы дурак не зазнавался), я решила подписать пьеску свою «Тэффи» и послала её прямо в дирекцию Суворинского театра...»

А слава Тэффи, между тем, росла, как на дрожжах. Вся страна ждала её новых пьес и фельетонов. Даже российский император обсуждал с Григорием Распутиным её очередной шедевр, давась от смеха. И когда к 300-летию дома Романовых составляли юбилейный сборник и Николая II спросили, кого из русских писательниц он хотел бы непременно в нём увидеть, то царь без колебаний ответил: «Тэффи! Только её. Никого, кроме неё, не надо! Одну Тэффи!».

И вот тогда, на самом знаковом пике Эвереста её всенародной славы, она проявила одну из замечательных черт своего характера. А именно: беспощадную иронию по отношению к себе любимой. Вот как она отреагировала на то, что в питерских кондитерских появились конфеты с её именем, а в парфюмерных магазинах – модные духи «Тэффи»: «Я почувствовала себя всероссийской знаменитостью, когда посыльный принёс мне большую коробку, полную моих конфет. С моим портретом! Я тут же бросилась к телефону и стала хвастаться своим друзьям, приглашая их попробовать конфеты “Тэффи”. Я всё звонила и звонила, уписывая тем временем конфеты, опустошив, в конце концов, почти всю трёхфунтовую коробку. И тут меня замутило. Я объелась своей славой до тошноты и сразу узнала обратную сторону её медали...».

В отличие, например, от вечно мрачного по жизни Михаила Зощенко, Тэффи всегда была весёлой оптимисткой, никогда не ве-

шающим нос человеком. Ей невероятно, конечно же, повезло, что судьба в самой середине её творческого пути свела с севастопольцем, неподражаемо остроумнейшим человеком, талантливым писателем-сатириком Аркадием Аверченко, главным редактором популярнейшего в России журнала «Сатирикон». И они вдвоём сделали, в конце концов, из этого эпатажного печатного издания «конфетку». Друзья шутили: «Аве, Тэфф!»

Здесь «оттачивали перо» Саша Чёрный и Андрей Белый, Осип Мандельштам и Владимир Маяковский, Александр Куприн и Алексей Толстой. Иллюстрировали журнал Александр Бенуа и Николай Ре-Ми, Алексей Радаков и Александр Юнгер. Позже они, как говорится, рука об руку с Тэффи ковали звонкую славу артистическому кабаре «Бродячая собака»...

В 1916 году многим из них покорёжила жизнь Первая мировая война. Надежду Александровну она призывает на передовую, обрядив в платье сестры милосердия. Позже, в эмиграции, в прихожей её парижской квартиры, «держа целую стену», в гордом одиночестве будет висеть немецкое ружье, известное как «комиссионная винтовка» с магазином Манлихера. Тэффи весьма гордилась этим своим «трофеем»...

Окаянные дни

Революция... В своей книге «Воспоминания» Тэффи до доньшка, но с тем же неизменным юмором, обнажила ужасающие подробности беспредела и безжалостного цинизма многих участников переворота, оказавшихся по обеим сторонам «баррикад». В комиссарше по имени Зверь она узнает бабу-посудомойку из деревни, где Лохвицкие снимали дачу. Она, помнится, с наслаждением резала цыплят, помогая повару. Мы читаем: «Скучна безобразной скукой была твоя жизнь. Никуда бы не ушагала ты на своих коротких ногах. И вот какой роскошный подарок приготвила тебе судьба! Напилась терпкого, тёплого человеческого вина досыта, допьяна. Залила своё сладострастие, болезненное, чёрное. Те, товарищи твои в кожаных куртках, – это лишь чернь преступления. Но все сокровища мира ты не уступишь им за свою “чёрную” работу. Её ты оставила себе...».

В этой же, пожалуй, самой беспросветно удручающей сознание человека своей исповеди Надежда Александровна немало страниц уделила посещению Севастополя. В Крыму она была не единожды. Известно её шутивное стихотворение с названием на-

шего полуострова. Видимо, отдохав в Гурзуфе в начале 1913 года, она встретила здесь с загорелым дочерна пожилым крымским татариним, который с наивностью аборигена живописал ей своё идиллическое житьё-бытьё. Тэффи поистине ничего не выдумала нарочно, когда писала от имени героя:

На юру, на самом ветре ,// Под большим горой //
Ай-Петри // Стоит сакля мой.// Ой-ой...

...Пароход «Шилка», отдавая пары, медленно отходил от одесского причала. Тогда, в тревожном 1920 году, питерская гастрольная труппа, включая и литераторов, отважилась отправиться в турне по югу России, начиная с Киева, включая и приморские города. Позади, начиная с Киева, – в памяти Тэффи – остались сборы и проводы из Петербурга, всяческие неприятности, связанные с её петициями в адрес красных комиссаров относительно неперемного введения охраны культурных ценностей, включая Эрмитаж, а также явные гонения за её юмор, якобы бросающий мерзкую тень на и без того «чёрные исподники революции».

Хотелось свежего воздуха, не просто свежего, а морского – штормового, которого Тэффи никогда не боялась. Правда, за эту «небоязнь» её, как она писала, в средневековье незамедлительно поволокли бы на костёр...

В этой новой Советской России её жизненный расклад, увы, не казался ей манной небесной. Вот как относилась к её творчеству младосоветская критика: «Культ любви, воспевание экстатического состояния души... Представители трудового народа у Тэффи – тупые и бессмысленные...». В то время такие откровения могли обернуться, чем угодно. А она своей насильственной смерти вовсе не страшилась. Писала: «Я боялась разъярённых харь с направленным мне прямо в лицо фонарём тупой, идиотской злобы... Холода, голода, стука прикладов о паркет, криков, вида чужой смерти... Но не своей...».

На последнем «белом» пароходе...

Итак, 20 марта 1920 года. Пароходу «Шилка» надо было зайти в Севастополь, чтобы затарить трюмы углем. Этот город, памятный Тэффи своими белоснежными каскадами домов, сладким запахом акаций, величественными развалинами Херсонеса, теперь предстал «затихшим, замученным тревогой, страхом и сыпным тифом». Долго не загружали антрацит – бастовали портовые

рабочие, которые узнали о готовящемся приказе об осадном положении. «Шилкинские пассажиры, – читаем дальше севастопольскую главу в “Воспоминаниях” Тэффи, – бродили по городу пастушьими стаями... Говорили о тифе, о том, что в аптеках продают ладанки, якобы предохраняющие от заразы... Запомнилось новое выражение лиц: странно бегающие глаза – смущение, растерянность и – мгновенно! – наглость. Это – неуверенность в том, где правда и где сила. Ждали у моря погоды»

Изумил и даже рассмешил местный караим – продавец в обувной лавке, бочком примостившейся к аптеке Якубовского в доме № 13 на Екатерининской улице. Ввиду отсутствия туфель нужного размера он беспардонно предложил купить «две парочки»: одну – 45-го размера, а другую – 32-го, обнадёжив: «Вам же в них не топать, а плыть...»

Уходили в ночь. Город казался «пыльным, унылым, обтрёпанным». Тэффи успела зайти в редакцию газеты «Вечернее слово» на ул. Базарной. Там её сразу узнали, но никого «из своих» она не нашла. (Насчёт «узнали». Сегодня в редкость уважительное восприятие читателями Богом поцелованного автора как на визуальном уровне, так и по нашумевшим его произведениям. У большинства наших писателей лица известны лучше, чем их имена, а имена – лучше, чем, собственно, книги. – Л.С.)

25 марта последний «белый» пароход «Великий князь Александр Михайлович» отчалил от причала Новороссийска, увозя беженцев, в том числе и Надежду Александровну Тэффи, в неведомый, чужой и горький Константинополь.

До 1940 года она вполне безбедно, на привычной волне признания и обожания, прожила в Париже. Салон её имени, Фонд помощи заточённым в ГУЛАГах советским литераторам функционировали без перебоев. Её фельетоны, стихи и рассказы печатались по всему миру мгновенно, а многие цитатки-шуточки растаскивались на короткие анекдоты и афоризмы. В самые первые месяцы войны даже практиковалась продажа её книг с автографом – за 50 долларов США.

А вот в оккупации ей жилось тяжело. Всё было: холод, голод и нередко хотелось просто взвыть от безнадёги...

В 1946 году, в сентябре, в Париж прибыла из Советского Союза представительная делегация во главе с послом СССР во Франции А. Богомолковым. Тэффи, вообще-то, на родине не забывали, нередко публикуя её остроумные перлы под рубрикой «Наши за границей». При этом конъюнктурные, держащие нос по ветру,

редакторы прекрасно помнили, что некоторые её вещи, созданные за рубежом сразу после окончания Гражданской войны, где описывались с присущим ей сарказмом «прелести» эмигрантской жизни, высоко ценил в своё время Владимир Ильич Ленин. Он даже как-то предложил, разумеется, выборочно, включать её рассказы в серийные издания «Школьной библиотеки»

В составе советской делегации был тогда и Константин Симонов. Он встретился с Тэффи и первым делом извинился за своих коллег-редакторов, которые изредка печатали её фельетоны, но денег не платили ни гроша. И нарвались! В парижском журнале «Возрождение» Тэффи наморосила едкий фельетон под заголовком «Вниманию воров!».

Галантно преодолев эту непрезентабельную часть их беседы, Константин Михайлович предложил Надежде Александровне от имени советского правительства вернуться на родину. Однако она отказалась. И через неделю после отъезда соотечественников в одном из парижских журналов с горечью и мрачным юмором так описала антураж её гипотетического возвращения в Москву: «Меня встретят плакатом “Добро пожаловать, тов. Тэффи!”, а на столбах, поддерживающих плакат, будут висеть Ахматова и Зощенко...».

Как знать, пусть и не так фантазмагорично, однако Тэффи была недалеко от истины: ей в СССР ничем хорошим «не пахло». А что касается Ахматовой, то именно в этом году её творчество подверглось отвратительному глумлению на очередном заседании Союза писателей, а спустя три года вторично, уже на 10 лет, был осуждён её сын, Лев Гумилев, что просто сломало окончательно жизнь всемирно известной поэтессы.

И несколько слов (по случаю) о Зощенко. В том же 1946 году его рассказ «Приключения обезьяны» был напечатан в журнале «Звезда», за что «подонок от литературы» был исключён из Союза писателей...

Ее тайная боль...

Завершая наш рассказ об этой удивительной и неповторимой женщине, нельзя обойти вниманием и её личную жизнь. Замужем Надежда Лохвицкая была дважды. В 1892 году вместе с первым мужем, юристом Владиславом Бучинским, она поселяется в его имении под Могилёвом. Родив двух дочерей и сына, Тэффи резко разрывает с мужем и с головой уходит в литературный бомонд Петербурга. Её разношерстной толпой окружают обожатели.

Ирина Одоевцева так пишет по этому поводу: «Женские успехи доставляли Тэффи больше удовольствия, чем литературные. Она могла часами выслушивать глупейшие комплименты. Об очередном ловеласе ей говорили: “Он же идиот!”. А она отвечала: “Вовсе нет, раз влюблён в меня”».

В Париже судьба тесно свела её с англичанином П. Тиксоном, с которым она коротала жизнь до его последнего вздоха, денно и ночью ухаживая за ним и, тем не менее, не прерывая процесса создания великолепнейших юмористических рассказов. Как тот клоун, у которого днём угасала от чахотки дочь, а вечером ковёрный смешил публику до коликов – служба...

Тэффи обожала балы и рауты, ей импонировал антураж развязного, но, впрочем, на грани галантности, обхождения. Она прекрасно, даже шикарно всегда одевалась, следила за авантюризмом своей внешности, однако... Однако никаких скандально громких, «клубнично-альковных» эпизодов в её жизни замечено не было. Как это ни странно...

И тут вполне логичным будет такой пассаж, естественно, с долей вероятности: личная территория Тэффи, не беря во внимание её двух, уже вышеозвученных «приближённых» мужчин, ну, просто не могла быть кем-то не «заселена». Кем же? Не секрет, что где бы она ни жила, в каком бы кругу ни вращалась, рядом (как говорится, вживую или на эпистолярном «поводке») всегда находился... Иван Алексеевич Бунин. Мало того, что Надежда Лохвицкая неизменно всегда смотрелась фанатичной поклонницей его великого таланта. Мало того, что он, честно импонируя ей, до слез хохотал над её фельетонами и смешно подпевал, когда Тэффи пела, играя на гитаре. Но этого всего было, выходит, мало для... серьёзных отношений. Иван Бунин был, по всей вероятности, той самой вечной тайной любовью с виду неунывающей Тэффи, её печальной болью и страстью. Печальной потому, что безответной... Страстью, о которой нобелевский лауреат, по жизни вообще-то волокита, никудышный семьянин и циник, даже не догадывался.

И лишь одно-единственное её послание из сотни писем и записочек, которыми они обменивались, как-то прорвало «блокаду» тэффианской защиты от посторонних глаз, пролило лучик света на трагизм этой неразделённой любви. Как-то Бунин в шуточной форме сделал приписку в коротеньком дурашливом обращении к ней: «Целую Ваши ручки и прочие штучки-дрючки». На что Тэффи тут же сдохмила, оставаясь верной себе: «Если ручки, хоть

и редко, но целуют мне, то штучки-дрючки уже лет 50 никто не целовал». И это уже был удар по самой себе любимой, хотя, как всегда, «чёрный карлик» комедиантства вновь пощекотал её за ушком...

Никого не узнаете?

Одним из её восхитительных шедевров по праву считается рассказ «Демоническая женщина». Вот как Тэффи повествует об этом эпатажном типе слабой половины человечества: «Демоническая женщина носит чёрный бархатный подрясник, цепочку на лбу, браслет на ноге, кольцо с дыркой для цианистого калия, стилет за воротником, чётки на локте и портрет Оскара Уайльда на левой подвязке».

Прошло 110 лет со времени создания этого фельетона. Никого не узнаете? Смените портрет Оси Уайльда на фотку из «глянцухи» давно уже ставшего пресловутым Фили Киркорова, – и всё станет на свои места...

Поистине бессмертна лира Надежды Тэффи. Мы вместе с ней, как в машине времени, спонтанно порой выныриваем из 1907 года в 2017-й, пусть не в «окайнные» (не будем тревожить дух великого Бунина) дни, но в невероятно непредсказуемое, беспокойное наше с вами время, когда с утра настаёт самый первый день оставшейся жизни, и её кому-нибудь из наших прекрасных половин непременно захочется прожить так, как свою прожила Тэффи. А именно: с головкой, часто повернутой к звёздам, с ироничной любовью к людям, порой того и не достойным, скрашенной уникальным чувством юмора, с уверенностью в том, что мерзость бытия с его беспределом всё-таки преходяща...